

Тамерлан ГАДЖИЕВ

Тамерлан Гаджиев родился в 1995 году в Москве. Работает в РБК. Изучает зарубежную литературу в МГУ им. Ломоносова. Прозаик. Окончил сценарную мастерскую киностудии «Лендок» и литературную мастерскую Litband. Публиковался в журналах «Новый мир» и «Дискурс».

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ

Рассказ

– Братишка, что ты ругаешься на самокаты? Прогресс не остановить! Ты слишком консервативен.

– Слышу от человека, который подделывает тест на COVID, чтобы показать сыну макеты пленных армян!

– При чем здесь консерватизм? Я радуюсь победе. Это обычный патриотизм. Тебе бы тоже не помешало. Может съездишь, помотришь?

– Нет, спасибо. Стараюсь воздерживаться от фашизма.

Они сидели в ресторане «Таксим». На входе стояла длинноногая хостес в короткой юбке и зазывала посетителей улыбкой белоснежных зубов и накачанных губ. Из-за барной стойки повара и бармены орали на топтавшихся между столами официантов. Ильяс и Рустам ковырялись вилками в искандер-кебабе и обсуждали закончившуюся накануне войну. Из динамиков грохотала турецкая попса, и молодым людям постоянно приходилось срывать на крик. Каждая реплика привлекала раздраженные и осуждающие взгляды соседних столиков. Едва закончив есть, Рустам попросил кальян.

– Ты не за рулем? Может, раки попросим? Будешь?

Ильяс ответил что-то невнятное. Потом, проглотив огромный кусок мяса, который ему никак не удавалось разжевать, сказал:

– Ты прекрасно знаешь, что я без машины.

– Мало ли, думал на каршере. Ну так че, выпьем? Давай по одной хотя бы, а дальше – как пойдет. Официант, раки!

Ильяс и Рустам знакомы с детства. Их отцы подружились еще в двухтысячных, с тех пор как однажды их машины не смогли разъехаться среди панельных многоэтажек в Кузьминках, где они тогда жили. Оказалось, что Рустам с Ильясом ходили в одну и ту же школу, Рустам на три класса старше. Отец Ильяса, который часто упрекал сына за малочисленность азербайджанских друзей, требовал проводить как можно больше времени с новым товарищем.

Рустам взял Ильяса под опеку. Каждый раз, проходя мимо него по школьному коридору, он спрашивал Ильяса о делах и «не обижает ли его кто». Однажды спросил, есть ли у него девушка, и стал при всех раздавать «мужские советы». Школьная команда КВН потом сочинила из этих советов миниатюру.

Сам Рустам в одиннадцатом классе встречался с Ирой – голубоглазой, длинноногой – вылитая Камерон Диаз из «Маски». Расстались они, потому что ее родители не хотели, чтобы дочка водилась с «черножопым». Ильяс узнал об этом спустя три года, а тогда Рустам говорил, что сам ее бросил. «Наскучила».

Поступив в университет, Рустам стал активистом молодежной организации, устраивавшей патриотические мероприятия за счет пожертвований предпринимателей азербайджанского происхождения. Он вписал туда Ильяса, который посетил только

одно собрание. На нем обсуждали очередную годовщину Ходжалинской резни, а после выпили много водки.

– Ты – армянофил! – вдруг сказал Рустам. – Помнишь, когда тебе дали роль какого-то армянского поэта в школьном спектакле? Еле отговорил тебя на сцену выходить...

– Что-нибудь еще? – спросил официант, глядя только на Рустама.

– Ты что-то будешь? – спросил Рустам. Ильяс покачал головой. – Счет принеси, друг.

Когда война только началась, Рустам ходил на продовольственные рынки топтать армянские абрикосы. Тогда же он с друзьями нацепил на машину флаг и кружил по МКАД под громкую музыку. Видео разлетелись по Telegram-каналам. На следующий день в его дверь постучал участковый.

Удивительно, но он всегда выходил сухим из воды. Иногда он отделялся мелкими штрафами, но зачастую «давал на лапу».

– Они конкретно боятся национальных вопросов, – рассказывал Рустам. – Проверки документов, облавы на узбеков – это все одно. Когда реальный кипиш, они всегда заднюю дают.

– Рустам, я хочу, чтобы все жили дружно и мирно. Знаешь, я не из тех, кто готов умирать за родину. Но это чувство мне... понятно. Я не понимаю, как можно из-за клочка земли кого-то убить?

– То есть ты готов смириться с тем, что армяне живут на земле твоих предков? – спросил Рустам.

– Нет, я хочу, чтобы мы вместе жили на земле наших предков. Вот ты живешь в Москве, верно? Никто тебя не притесняет.

– Не притесняет? Рассказать историю? Совсем свежую! Сегодня у входа в метро меня остановила баба в полицейской форме. Лицо такое стервозное... мегера, самая настоящая. Спросила, есть ли документы. «Русский понимаешь?» – спрашивает. Я молча протягиваю паспорт. Она пролистнула на страницу с пропиской. «Где прописаны?» Я говорю адрес. Она возвращает паспорт. Я собираюсь уходить, и вдруг она: «Телефон пробьем по базе данных? Вдруг краденный». «Нет, – говорю, – не краденный». И ухожу. Чем не притеснение?

– Слушай, понимаю о чем ты, но... не все люди такие, – сказал Ильяс. – Просто человек некачественный попался...

– Что ни люди, то хуй на блюде.

– Поэтично, – сказал Ильяс и приподнял стакан.

– Вот поэтому я тебя позвал, – сказал Рустам и вдруг оживился. – Дело к тебе есть. Ты же у нас литературу любишь, так?

– Что такое? Стране нужен новый гимн?

– Нет. Стране нужны новые герои...

– ... а народ рождает дураков!

– Вот из-за таких шуток тебя хотят исключить из организации, – строго сказал Рустам. – Говорят, ты даже мемы какие-то делаешь!

И правда, вот уже два месяца Ильяс вел сатирический Telegram-канал «Ходжа Насреддин». Ильяс набрал около трехсот подписчиков, чем страшно гордился.

– И что с того? – спросил он.

– А то, что организация хочет выгнать тебя с позором. Они думают, тебе армянское лобби платит!

– Бред! Как им в голову вообще пришло!? И ты им веришь?

– Я слишком хорошо тебя знаю. Ты бы струсил брать деньги у армяшек, – сказал Рустам. – Но я предлагаю писать для нас.

- Что писать?
- Сценарии роликов на YouTube. Про героев войны.
- Типа переделывать подвиги в видосы?
- Да. Но есть нюанс: подвиги надо придумать.
- В смысле? А с реальными что не так?

– Мы пробовали писать сами. Говорили с ветеранами в госпитале. Большинство рассказывали, как им было страшно или о том, как их товарищи взрывались на минных полях. Один, помню, рассказывал о генерале, который отчитывал офицеров за слишком бережное отношение к солдатам. Но в организации хотят более позитивной повестки...

– «Позитивной повестки»? Рустам, ты говоришь как сраный политик!

– Слушай, война только закончилась. Мы победили. Зачем людей расстраивать? Мы вернули наши исторические земли. Пусть радуются. Вот твой шанс прославиться! Напиши пару классных роликов, добавь их в CV. Из организации тебя не выгонят. Быть может наоборот даже поощрят. Дадут характеристику. Иди потом пиши, что хочешь! Организация своих не бросает... И вообще, ты о семье подумал? Неужели твоему старику приятно, что ему ежедневно трезвонят и обзывают сына предателем?

– Ты за этим стоишь? – Ильяс схватился за край стола.

– Нет, не я. Но я знаю, кто. И если ты окажешь организации услугу, я попрошу этого человека прекратить. Меня он послушает.

Рустам глядел Ильясу прямо в лицо с улыбкой, которая как будто говорила: «Смотри, какой я хороший друг!» Официант принес счет и достал из-за пазухи кассовый аппарат. Ильяс потянулся было за картой, но Рустам его опередил. Официант положил чек на стол, и Ильяс разглядел сумму – 4 573.

– Я переведу, – сказал он.

– Ты чего? – Рустам притворился обиженным. – Угощаю!

Какое-то время они просидели молча. Ильяс думал о том, что пытаюсь вместить в себя оба этих мира, сам он никак не мог в эти миры втиснуться. Самое гадкое, что может совершить человек, – это предательство. И это как раз то, о чем его просит каждый встречный.

– Ты подумал над предложением? – спросил Рустам.

Ильяс вспомнил, как в пятом классе он записался в школьную команду по футболу. Завладев мячом, он часто брал игру на себя, одноклассникам постоянно приходилось просить у него пас. Они кричали:

– Ильяс, Ильяс, по левому флангу!

И вдруг парень из параллельного класса, перед тем как подать угловой, спросил:

– А ты че, нерусский, получается? Чурка типа?

– Да нет, Илюхой меня звать, – ответил он. И до сих пор считал тот день одним из самых паршивых в своей жизни.

– Подумал? – снова спросил Рустам.